

Во время войны она не оставила на поле боя ни одного раненого

88-летняя Ирина Владимировна Грызова (Яворская), участница Великой Отечественной войны, получившая ранения на фронте, награжденная боевыми медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», инвалид-колясочник I группы, не может самостоятельно подняться на улицу: ей не преодолеть большие лестничные марши парадного.

Ветераны, обращающиеся за помощью на горячую линию «36 квадратных метров», как правило, живут в крайне стесненных условиях (обычно — в так называемых семейных коммунальках) или же и вовсе не имеют жилья и вынуждены снимать самое дешевое, неблагоустроенное где-нибудь на выселках.

У 88-летней Ирины Владимировны Грызовой (Яворской), прошедшей войну санинструктором, поэтессой, педагогом, ответственного секретаря городского Совета ветеранов войны, как раз жилье есть — однокомнатная (67 кв. м) квартира в центре города, в доме социального обслуживания Центрального района (5-я Советская ул., 5). Сама по себе квартира — сказка. Да вот только выйти из этой квартиры, расположенной на третьем этаже, инвалид-опорник не в состоянии. Нужна серьезная посторонняя помощь. Лифта на лестничной площадке нет, он расположен между этажами. Причем лифт обычный, узкий, в него на коляске никак не въехать. Ирина Владимировна просит у государства вместо этой шикарной квартиры, находящейся в собственности государства, небольшую квартиру, которой сможет распоряжаться сама. Но в доме с пандусом и лифтом. Чтоб быть самой себе хозяйкой и не нуждаться в посторонней помощи. Но на свои просьбы получает упорные отказы от власти имущих.

«ЗАЧЕМ МНЕ ЭТИ ХОРОМЫ, ЕСЛИ Я ТУТ ЗАПЕРТА, КАК В КЛЕТКЕ?»

Автор этих строк в гостях у Ирины Владимировны. Не могу не отметить: несмотря на преклонный возраст и пережитые испытания, это очень деятельный человек. Сидеть у телевизора — не ее удел. И еще: Ирина Владимировна замечательно выглядит, она необыкновенно артистична. Трудно поверить, что многие годы она была только педагогом. Это прирожденная актриса: жесты, мимика, хорошо поставленный голос. Нет, драматический театр потерял великую актрису! Но так сложилась судьба Ирины Владимировны. Творческой карьере помешала война.

— Завтра мне ехать на работу — я ответственный секретарь на общественных началах городского Совета ветеранов. Завтра ко мне придет соцработник, будет меня чуть ли не на себе тащить по лестнице до лифта. Поедем на лифте, далее — она меня будет тащить еще один лестничный марш вниз. А потом еще несколько ступенек между первым этажом и дверью в парадное. Причем последние ступеньки — самые тяжелые. Там и поручней нет, чтобы мне держаться. И еще соцработнику придется отдельно мою инвалидную коляску спускать: по лестнице, в лифт (уже в сложенном виде), снова по лестнице. Дальше соцтакси выручает. А потом, из Совета ветеранов, снова попытка: и для меня, и для соцработника. Пока в квартире не окажусь. Да и в квартире, несмотря на большую площадь, есть сложность: в туалет на коляске — никак. Туалет маленький, — поясняет Ирина Владимировна, выезжая на коляске на лестничную площадку. И дальше все: стоп.

На лестнице, к слову, сейчас идет косметический ремонт. Все красят к Дню Победы. Да только что толку от обновленной лестни-

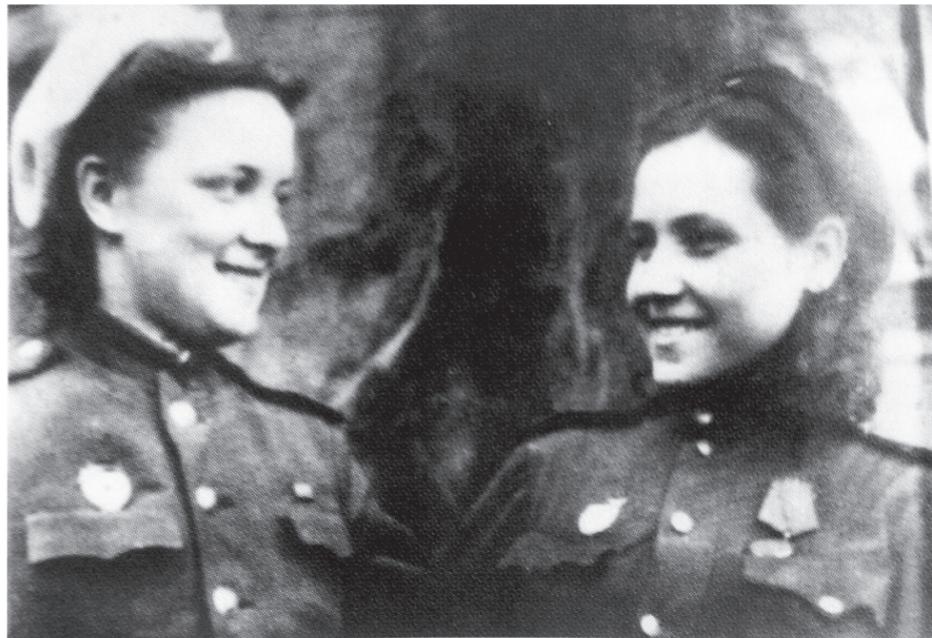
цы ветерану, которому эту самую лестницу не преодолеть?

Ирина Владимировна родом из Воронежа. После войны поехала с мужем-однопольчанином по месту его новой службы — в Узбекистан. В Петербург, к дочери, переехала после смерти мужа. Жила с семьей дочери в квартире зятя (теперь уже бывшего). Жить было очень сложно — и морально, и физически (с большими ногами тоже самостоятельно не преодолеть лестничные марши). После выхода указа президента об обеспечении жильем ветеранов обратилась к властям. Ей отказали: не преодолен ценз оседлости, определенный для Петербурга в 10 лет.

После вмешательства сотрудников нашей горячей линии «36 квадратных метров» власти еще раз пересмотрели ситуацию, в которой оказалась Ирина Владимировна (см. «ВП» от 21.09.2009 г.). И учитывая ее боевые заслуги, дали ей эту квартиру в доме социального обслуживания. Тогда она согласилась: ведь ситуация была отчаянная. Но со временем со здоровьем становилось все хуже и хуже. Теперь лестницы стали совсем непреодолимы. Участница войны снова обратилась к властям: ценз оседлости пройден — так дайте обычную небольшую квартиру в доме с пандусом и лифтом. А в государственных хоромах в 67 кв. м заселите кого-то другого.

— Сейчас квартиры ветеранам дают на окраинах города. Пусть так. Но если у меня со здоровьем станет хуже и я не смогу справляться с бытовыми проблемами, по крайней мере такую квартиру смогу поменять хоть на комнату рядом с дочерью, — говорит бывшая санинструктор, спасшая сотни жизней, ни одного раненого не оставившая на поле боя.

Но ответы от властей идут как под копирку: отказать. Потому что и так есть квартира 67 кв. м. Пишут, что она обязана прожить в этом социальном доме пять лет (которые, к слову, уже истекают в июле). Власть не хотят понять, что квартира непригодна для проживания инвалида-колясочника, к тому же ведущего активный образ жизни.

Участницы дивизионной самодеятельности Ирина Яворская (слева) и Лидия Ляшкова, 1944 год.

ВЫХОДИЛА НА СЦЕНУ ЕЩЕ СОВСЕМ МАЛЕНЬКОЙ, НО ТВОРЧЕСКУЮ КАРЬЕРУ ПЕРЕЧЕРКНУЛА ВОЙНА

Ирина Владимировна показывает мне свой архив. Фотографии с фронта, медали за боевые заслуги, красноармейская книжка, выданная старшине медицинской службы Ирине Владимировне Яворской в 1943 году.

Ирина Владимировна — из театральной семьи. Папа — режиссер, мама — актриса, тетя пела в опере, бабушка — в народном хоре. Родилась Ирина в Воронеже, но когда девочке исполнилось восемь месяцев, семья переехала во Фрунзе, куда ее отца, Владимира Леонидовича, направили в качестве главного режиссера нового драматического театра. Именно там маленькая Ира через несколько лет вышла впервые на сцену. Играла дет-

ские роли — настолько ярко, что во время исполнения одной из трагических ролей в пьесе по произведениям Шолом-Алейхема зал начинал рыдать. Но судьба совершила еще один виток: родители Ирины разошлись, и девочка с мамой вернулись в Воронеж. Начала заниматься хореографией, причем уже профессионально. Часами могла стоять у балетного станка, разучивая сложные движения.

Когда началась война, девочке не было и четырнадцати...

— Наша семья жила в старой части Воронежа. В 1942 году город стали жестоко обстреливать, а в июне на улицах показались немецкие танки. Мирное население, и наша семья в том числе, попрятались в подвалы. Дом наш был старинный, и подвалы были большие, сводчатые. У каждой семьи там стояли рундуки, наполненные картофелем, другими овощами, квашеной капустой. Вот этим мы и питались. А за водой украдкой бегали к колонке во дворе. Но настал день, когда по подвалам пошли в сопровождении собак немецкие жандармы. Выгнали всех, тяжелобольных заставили вынести во двор. Тех, кто им показался поздравнее, выстроили в колонны — и вперед, в Курскую область, в город Фатеж, в концлагерь. Шли пешком два месяца. Тех, кто падал и не мог подняться, пристреливали. Немцы выдавали на сутки по кусочку странного хлеба, словно он был из целлюлозы. Иногда варили бурду. Спасало нас от голода население деревень, через которые мы проходили. Люди кидали нам свеклу, картошку. Мы все это сырым, в дорожной пыли, и съедали. И спали прямо возле дороги, на земле. Наконец пришли: нас ждал длинный одноэтажный барак, в котором ничего не было. Спали на голых досках, постелив пучки соломы. Нас спасло то, что мама, когда выходила из подвала в Воронеж, успела накинуть на себя старую шубейку. Вот этой шубейкой и укрывались как-то: я, мама, моя младшая сестренка, бабушка и тетя, — вспоминает Ирина Владимировна.

Русские пленные ремонтировали дороги. Женщины должны были тяжелыми деревянными чурбанами утрамбовывать щебенку,